

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

● Сегодня мы публикуем часть дневниковых записей разных лет великого мастера кино А. Довженко. В «Дневнике» найдена отражение личной драма художника: она последовала после разрыва Сталиным киноповести «Украина в огне», лишившего режиссера до конца жизни радости полноценного творческого труда. Взгляды автора, оказывается, не соответствовали сталинской концепции обостренной классовой борьбы по мере продвижения нашего общества к социализму, подвергали сомнению непогрешимость «вождя народов».

Полностью «Дневник» предполагает опубликовать журнал «Дружба народов».

6.VI.1942

Немцы нас не завоюют. Нас нельзя завоевать. Нас и до революции никто не мог завоевать. Нас нельзя завоевать также благодаря чему-то, как и несомненно на что-то. Я не хочу почему-то превеличивать содержание технологии нашей победы, да простят мне мои современники, хотя и знаю и чувствую целиком все огромное значение нашей тяжелой, кровавой и дорогой победы. Мне трудно будет радоваться победе. У меня также не хватает сил, как не хватало их после окончания фильма уже ни на что. Образ несчастной моей Украины, на полях, и на костях, и на слезах, и крови которой будет добыта победа, заслонил уже в моей душе все. С ним я и закончу свою жизнь. А на победном банкете, где-то в конце второго стола, я только тихо улыбаюсь и благополучно живых измотанных трудностями людей. А мир пускаться будет радуется.

8.VI.1942

Есть члены партии, закончившие институт профессуры, философы, эрудиты, хорошие люди. Влюбленные в марксизм, работают на секретарских должностях, на должностях помощников великих людей. Абсолютно лишены чувства реальности, знания жизни простых людей, взаимоотношений, трудностей. Не могут и не умеют слушать, выступать, перебивают вас, могут только сами говорить и только о хорошем. Образ, хороший для пьесы. Для романа. Реальность их надумана целиком. Она состоит из очень давних воспоминаний о селе и о родителях, плюс идеализированная действительность программных постановлений, припечатанных сельскохозяйственной выставкой. Все хорошо, все прекрасно. Голубые персонажи истории. Народа не знают и не чувствуют. Народ бесмертный, зажиточный, счастливый. Не надо ничего несвоего, грустного. Сентиментальность. Гапючками зовутся.

6.VII.1942

Убегаем из России за Дон. Целый день немцы бомбят. Что-то горит в районе железной дороги. Над пожаром огромная, странного цвета туча. Грозная и необычная по своей расцветке. Убегают машины. Целый день шоферы возятся под машинами. Гадко смотреть на эту гнусную неорганизованность, беспорядочность. Пропал день.

Сегодняшняя наша эвакуация является абсолютно кристально-типичным явлением нашей войны.

Качество войны — это качество организации общества, народа. Вся наша фальшь, вся тупость, все беспардонное, и безмозглость лодырства, весь наш поведомодемократизм, перемешанный с сатрапством, — все вылезает боком и катит нас как перекати-поле, по степям, по пустыням. И над всем этим — «Мы победим!»

7.VII.1942

Не было у нас культуры жизни — нет культуры войны. Потому и страдаем много по-глупому.

Ничто не проходит даром, сатрапство и дурость особенно.

12.VII.1942

Армии не могут отступать. Немцы в окружении гибнут, то есть дорогой ценой продают свою жизнь. Мы не гибнем так, мы убегаем, и нас по дорогам бьют немцы. Все равно смерть. Так надо же продавать жизнь, если уж на то пошло, дорого, за большую кровь вражескую.

А что эвакуируют? Диваны, стулья, г... всякое, всякую чепуху. Гибнут машины, гибнут раненые на дороге.

А в печати уже год ни слова критики. Ни слова предостережения, ни слова. Полнейший игор победы раздвигается. Страх и срам! Враг дрожит! Враг — трус, и прочие враги.

13.VII.1942

— То, что вы нас не любите (а это мы чувствуем всей душой), нас не пугает. Вы думаете, что мы националисты, буржуи, шпионы, не знаем марксизма и т. п., — как-то сказал мне во Львове один гражданин. — А скажите мне, почему вы так не любите и не уважаете друг друга? Мы это видим, и это пугает нас более всего. Мы больше уважаем друг друга, какими бы мы ни были. А нас мы боимся. Мы боимся вашей гордости, высокомерия, фальши, мы боимся вашей лживости, очковитерства и грубости. Нам пугает то, что вы не хозяева своего слова, у вас нет чувства достоинства и вы не знаете, что такое чувство уважения к самому себе.

Мы боимся вашей раздвоенности и вашей привычки к условной неправде. Скажите мне, почему в социалистической Стране Советов вы так не уважаете и ненавидите друг друга? Мы же видим это.

Эти слова я почему-то часто вспоминаю, глядя вокруг в последнее время.

22.VII.1942

Сегодня сообщают, что мы убежали из Ворошиловграда. Оставили больше и дорожки укрепления, восстановленные шахты, которые мы не раз уже разрушали с перепугу, хлебные нивы, запасы харчей и имущества и надежды на возвращение наших толстых, неуклюжих наркомов.

Был в Ворошиловграде институт имени Тараса Шевченко. Конечно, с преподаванием на русском языке, институт, в котором не было в библиотеке ни одной книги Шевченко. Какие оригиналы! Других таких не было и нет во всей Европе.

Как жаль мне наркомов! Кто же их теперь будет так хорошо кормить и поить? Потоплять, похоронить или теперь и многое потеряют из своего районного шарма жирненьких толстошеишек.

Да, Значит, вся Украина уже в немецком ярме. Изгнаны мы, и «ничего больше не надо. Украины нет», как говорит В. из Гнездиновского переулка.

...Сколько же нас еще падет, пока вернемся мы на свои руины? И когда это будет? Ясно одно — не видеть уже нам ни пади родной земли до следующего года. Кровавое лето и мертвая зима.

28.VII.1943

Читал сценарий Н(иките) С(ерегевичу) до двух часов ночи в с. Померках. После чтения была довольно долгая и приятная беседа.

Н(иките) С(ерегевичу) сценарий «Украина в огне» очень понравился, и он высказал мнение о необходимости напечатать его отдельной книгой. На русском и украинском языках. Пускай читают. Пускай знают, что не так все просто.

5.XI.1943

Позавчера был у Н. Он принял меня радушно и приветливо... Он благодарил и поощрял меня по поводу «Битвы...», очень похвалил меня Правительству и Политбюро.

Говорили об «Украине в огне». Я рассказал ему, что его хочется печатать из-за того, что в ней есть критические места. Как

не говорите мне никогда, что для вождя народа доброта и кротость вредны, ибо вы в этом ничего не понимаете. Руководители народов еще не полюбились ей. Они заверяют, что уменьшили зло строгостью. Но зло много среди людей, и уменьшилось ли оно — этого не видно.

Я написал о любви, а не о ненависти, и за это меня стали ненавидеть и презирать.

19.I.1944

Русский народ должен выйти из этой войны прославленным победителем, достойным самой лучшей судьбы, самого высокого уважения. Нужно думать, что послевоенный период принесет ему большие достижения в искусстве, в науке, должна начаться эпоха послевоенного ренессанса.

С другой стороны, есть у меня много опасений. Ведь мы потеряли на войне в целом сорок миллионов, если не больше, людей, если исчислять потери суммарно, до рожденных за три года войны из-за нехватки мужчин включительно. Эти гигантские потери и огромное количество увечий, и страшные разорения, и нехватка коней, коров, одежды, материалов, и бюрократическое наше чванство, и невнимательность к жизненным требованиям неуважаемого среднего человека, как бы все это не сказало после войны в форме огромного истощения страны, великой беспомощности бедности и неудовлетворенности. Меня очень поразила одна моя беседа с бойцом-шофером, молодым, хорошим сибирским юношей: «Плохо живем. Так плохо, что думать не хочется, до чего обделены и опустошены деревни в Сибири. Разве можно сравнить с тем, что было. Я очень часто думаю себе, да и не только я, все мы так думаем: эх, если бы проехали наш т. (Сталин) по деревням да посмотрел на истинную правду, он бы этого так не оставил, нет, ни за что бы не оставил. Разве можно так бесхозяйственно и плохо жить? И все мы, знаете, ждем, чтобы были какие перемены и перемены нашей жизни. Все мы ждем. Все. Только этого не говорять».

Много интересного рассказал мне этот парень из деталей жизни, рассказавшая меня, как живут люди в других странах. Хорошее у него сердце, и голова хорошая, и видно, что у народа есть какая-то массовая огромная потребность каких-то других новых форм жизни на земле. Это я слышу всюду. Этого я не слышал и не слышу только.

Его интересовали лишь убеждения обвиненных, и судил на этом лишь основании, не допуская, что можно, не будучи преступником, мыслить иначе, чем мыслит он. Поскольку он допускал, что обладает настоящей мудростью, в чем его ежедневно уверяли в потоках словословия, то своим противникам он придумывал лишь ошибки и зло.

Ему приписывались все события, происходившие в стране, счастливые и несчастные, законы, нравы, победы, урожаи и даже смену времен года. Это было несправедливо. Но он заслужил несправедливость: он имел ничем не ограниченную власть над народом.

нет? Ибо почему же плакала весь день природа? Почему лились с неба слезы? Неужели они подавали знак живым?

30.VI.1945

— Вы почему не в партии? — В своем сердце я вмещаю всю партию и беспартийность всю, то есть всю жизнь народа.

— Две нагрузки?

— Одна. Между тем судьба моя значительно сложнее. Блаженны ограниченные сердцем и волей, блаженны, кто нацепил замки на тайные двери своей души, на все ворота, ведущие к созерцанию людской неволи и несправедливости. Блаженны — те, которые повесили шторы на окнах своих (...) (нрзб) и других своих машин. Горе мне, я не такой. Из-за своей углубленности и сосредоточенности я лишен возможности быстро подчиниться. Кроме того, я не люблю хранить тайн.

— Вы против партии?

— Нет. За.

— Абсолютно?

— Абсолютную достоверность я знаю одну.

— Что именно?

— Страдание.

Как первый поэт революции В. Маяковский. Соучастующий — это великое слово. Это больше и выше, чем просто член. Это то, что ничего не имеет, ничем не вознагражден, без прав и преимуществ, без служивничества, свободный всегда и во всем и преданный духом, мыслью и трудом всей жизни. Каменоломь культуры социализма. Вот кто я такой.

Его интересовали лишь убеждения обвиненных, и судил на этом лишь основании, не допуская, что можно, не будучи преступником, мыслить иначе, чем мыслит он.

Поскольку он допускал, что обладает настоящей мудростью, в чем его ежедневно уверяли в потоках словословия, то своим противникам он придумывал лишь ошибки и зло.

Ему приписывались все события, происходившие в стране, счастливые и несчастные, законы, нравы, победы, урожаи и даже смену времен года. Это было несправедливо. Но он заслужил несправедливость: он имел ничем не ограниченную власть над народом.

«Я принадлежу человечеству как художник»

нералов, побывавших в плену. Ох, и влетит ему от Трумэна! Поступить вот так!

Какой бесцветный позор! Пленных, вместо того, чтобы разжаловать их, проверить в конгидрате и проработать так, чтобы знали до четвертого колена, как попадать в плен. Вместо того, чтобы узнать путем серьезных исследований, не являлись ли они случайными японскими шпионами, не помогали ли японскому фашизму, этих вот подозрительных пленных так сразу пригласить к столу как победителей, товарищи, что же это такое? Не понимаю. И не понимаю еще, почему это так взволновало меня? Почему мне стало завидно? И чего-то жаль. И радостно, что есть на свете гордые люди, все помешаны которых направлены на жизнь и на доверие к человеку. Черт побери, какие же хорошие вещи бывают на свете!

3.IX.1945

Итак, мир. О какой опасности разглагольствует сегодня американский лавочник Трумэн, показывая в кармане атомную бомбу, кого это знает. Чего ему бояться? Люди целые. Бомба в кармане, денег много. Не боится ли он случайно, что появится бомба и у нас, да еще большая и свирепейшая, и тогда нам, человеческим массам, жить будет весело, как на банкете перед последней всемирной чумой.

Речь Трумэна сегодня была тоже исторической: в одной руке бог, в другой — атомная бомба, на устах угроза по нескрываемому адресу.

Закончилась мировая война.

Падло в муках сорок миллионов советских граждан, братьев моих и сестер. Погиб от голода в Киеве мой восьмидесятилетний отец, и сам я, тяжело раненный своими, еле остался в живых.

Чего я хочу? Чего мне надо? Работы. Я хочу работы. И немного радости. Я буду иметь работу и не буду иметь радости. Я не могу радоваться, когда вокруг меня людям плохо. Мне стыдно, так стыдно, будто я виноват в том, что люди бедны, плохо ослеты, не устроены и переутомлены. Будто я обманул их, что-то наврал им и вытягиваю из них жижи, будто я отнял у них праздники, и спокойствие, и мягкий характер и сделал их несчастными. насадив над ними много плохих глупых начальников с холодными вальными душами. Герои они или нет? Герои. Более того — дважды, стократно герои и страстотерпцы. Они завалили Германию своим трупом и залили ее кровью...

Моя эпоха самая жестокая и самая величественная одновременно. Это такая же правда, как вечная собственность колхозника на землю, то есть как вечная обязанность его ее обрабатывать и сдавать урожай государству.

По своей натуре я не могу, не умею быть удовлетворенным. Я — с несчастными, с бедными, с неустрашенными. Я замечал это за собой всегда.

15.IX.1945

Я жестоко обижен и разорен войной. Она отняла у меня честь, дорогого моего отца, разорила меня, ограбила мой дом до основания, библиотеку мою уничтожила и изгнала меня с Родины. Она отняла у меня счастье жить вместе с моим народом. Поэтому до самой смерти душа моя будет с теми, кого разорила и обездолила война.

С вдовами и сиротами, с калеками, арестантами и изгнанниками, с изнасилованными в неволе рабынями — девочками, потерявшими родины и честь и развращенными по свету, будто чайки в лихую бурную годину. Со всеми, кто умер в нечеловеческих жестоких пытках, в муках, кто вымывался у палача подальше вместо пелен, под висельщицей, кто корел в огне мучил.

Потому что сам я горю каждый день, и туню, и упокою, и посылаю порою проклятие, доживая здесь свой век.

Я потерял радость. С победителями я лишь разуюм, как гражданин Советского Союза и патриот. У меня отняли счастье чести и гражданской жизни. И творчество мое угасает в страданиях и печали.

22.IX.1945

Закончил «Повесть пламенных лет». Совсем почему-то не думаю о ее судьбе. Когда вспоминаю историю рождения и гибели «Украины в огне», не могу горько не ухмыльнуться себе. В самом деле, чего мне ждать и что мне нужно? Признания, комплиментов, или денег, или славы? Не надо мне славы, потому что на нее, задрипанку, снова найдется пьяньенный Н. или голубой ангел Н.

Одно мне надо. Чтобы не отняла у меня судьба слез и плача по пятнадцати миллионам смертей моего несчастного вымученного народа. Когда получаю, что случилось и делается, сколько страданий, крика, смерти, жестокости нечеловеческой, неземной, адских мук, неслыханной сиропы пыток, неправды, скрытой скорби, лжи, сылок и расстрелов! Сколько нелюбви к народу и боязни его неусынного духа! Боже мой! Сколько разбитых духовно и физически сердец. Пятнадцать миллионов и изгнанников. Я не знаю ничего страшнее на свете. Что «Повесть пламенных лет»? Разве такую надо писать, новый Апокалипсис, новый Дантов ал. И не чертили в Москве, а кровью и слезами, страдая по Украине, в убогих хатах, под окнами сирот, в опустевших домах и пожарницах Матери-Вдовы.

Но что же поделаешь, когда... «нужна правда возвышения».

10.XI.1945

Мой политический уровень невысокий. И некоторых вещей я до сих пор еще не понимаю.

Вот только не знаю, почему сейчас люди так не любят трудиться? Почему их мало готовят газетчики? И для чего, скажите мне, труд рассматривается как нечто исключительное? Зачем его объявляли делом чести, доблести и героизма, когда он сам по себе является просто делом.

Как себе хотите, но, по-моему, не надо быть героем, чтобы трудиться. И доблести особой не надо. Не следует так запугивать людей трудом. Труд — штука приятная, радостная. Боже мой, как выйдешь, бывало, в поле ра-ано-рано. Солнышко всходит, жаргонки поют...

А на героизме не всякий способен.

А теперь как-то так получилось, что от доблести и героизма все убегают по канцеляриям, тот в инженеры, тот в офицеры, а девки в милицию.

Ноябрь 1945

Человек рождается для счастья и для радости, и борется он и действует во имя счастья. И расцветает человек в счастье, а не в печали, в свете, а не во тьме и незнании, в семье, а не в разлуке, и никогда в неволе.

Одиночество человеку необходимо в свое время и в своей мере.

Руины возмущительно отвратительны. Они угнетают души, и в них не хочу я искать красоту. Народ не видит красоты в руинах. Пробовал спеть на руинах песню. И умолк. Благодарные руины? Не знаю. Я знаю жалкие руины.

2.I.1946

Я начал молиться богу. Я не молился ему тридцать семь лет. Почти не вспоминаю его. Я его активно отбросил. Я сам был бог, бог-человек. Сейчас я постиг маленькую капелку своего заблуждения. Нет, не тот я, за кого принимал себя. Когда поседела моя голова и затихли страсти, и день повечерел, и проижд, казалось, такой большой путь, теперь наедине здесь в пустыне, покинутый людьми, почувствовал до глубины души свою, что «слаб и немошен есть человек, и вся жизнь человека — несчастье». И когда я почувствовал и понял малость и мизерность великих людей, и жестокость, в объятиях которой мы брошены навеки будто в спиральную яму, и мизерную переходящую славу, почта, здоровья, силы и права, я подумал, что все ошибался. Ошибался Шевченко, Франко, великие русские мыслители... «Нет господ на небе». Конечно, нет. И матери божьей нет. Он не существует. Он есть. Но его нет. И стал я думать, что страшно и убого на свете, когда его нет, как вот сейчас, например. Он есть, он был у Павлова, у Мишурина и, очевидно, был у Дарвина, как у людей глубокого синтеза, как инфантильно, то есть первоначально позитивно пресонифицированная идея прекрасного, идея добра, то есть то, что поднимает духовную структуру человека над обыкновенной суммой его физиологических процессов, делает человека добрым, гуманным, духовно высоким, что дает человеку чувство «сострадания», без которого человек не человек.

Бог в человеке. Он есть или его нет. Но полное его отсутствие — это огромный шаг назад и вниз. В будущем люди придут к богу. Не к якому, конечно, не к приходу. К богу-человеку. К богу-человеку. К богу-человеку. И тогда не будет гнетущей серой скуки, звережестокости, тупого и скучного безрадостного будня.

Те государства способны становиться великими, у которых велики малые люди.

5.I.1947

Никаким депутатом никогда я не был и не буду. В свете мудрого руководства украинский народ всегда отдаст предпочтение Гнату Юре или Марии Гнатенко, или Параске Кавальда, потому что у них лучше родит светла, чем у меня.

Дорого бы я дал, чтобы узнать: знает ли Сталин, что на Украине вышше школы давно уже переведены на русский язык, что таким образом украинская средняя школа вынуждена тоже исчезнуть как ненужная, бесперспективная и что это вообще ничего общего с ленинской национальной политикой не имеет. Что это — обман народа и всего мира.

Насилие над народной душой и насмешка над его историей, жизнью и попарение его элементарных прав.

Хочу верить, что не знает.

27.VII.1955

Запорожье

Волею судеб я снова в Запорожье. Пролетал от Кременчука примерно 350 километров по очень тяжелой дороге. Невеселая предстала перед моими глазами Украина. Города бедные, убогие, Чигирин, Новогеоргиевка, Кременчук, Днепродзержинск, Днепротроцк — пылица, ухабы, дороги плохие, люди серые, озлобленные, изурнуренные. Мой современник уже в самом деле дорого платит за привилегию великой эпохи. И всюду на всем огромная безвкусица. Что я видел красивого? Нескольких хат. На нескольких простых крестьянских хатах — большие тонкости художественного вкуса, чем на всем Крещатике.

Прекрасно новое Запорожье. В нем есть не только уже что-то родное, новое, наше, но прекрасное новое. Есть уже новая эстетика в планировании, архитектуре и умении пользоваться зеленью. Величественна плотина Днепротроцка. А какие тополя выросли над теми шлозовскими камерами, где я жил когда-то в 31-м году, снимая «Иванна»!

Это все возникло и выросло, просто думать не могу без волнения, — все в мое время. Много я прожил уже, много...

Вступительное слово и публикация А. ПИДСУХИ.

Перевод с украинского И. КАРАБУТЕНКО.